

# СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

*Л. В. Ландина*

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,  
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, larisa-hist@mail. ru*

В статье показаны современные подходы к интерпретации проблемы европейского абсолютизма в исторической науке и выявлению сущности абсолютной монархии как этапа развития европейского государства Нового времени. Автор демонстрирует сложность и неоднозначность указанных задач, а также неоднократные попытки создания концептуальной модели новоевропейской государственности, которые, однако, остались незавершенными. Оценивая актуальное состояние названной проблемы, автор предлагает в качестве альтернативы собственную интегративную и открытую модель европейского абсолютизма как предмета изучения исторической науки.

**Ключевые слова:** абсолютизм; абсолютная монархия; l'État moderne; новоевропейское государство; власть; общество; парадигма; концепция; концептуальная модель.

## MODERN APPROACHES TO BUILDING A EUROPEAN ABSOLUTISM CONCEPTUAL MODEL

*L. V. Landina*

*Belarusian State University of Culture and Art,  
Rabkorovskaya Str, 17, 220007, Minsk, Belarus, larisa-hist@mail. ru*

The article shows modern approaches to the European absolutism problem interpretation in historical science and the identification of the absolute monarchy essence as a stage in the European state development in modern times. The author demonstrates the complexity and ambiguity of these tasks, as well as repeated attempts to create a conceptual model of the new European statehood, which, however, remained incomplete. While assessing the current state of this problem, the author proposes her own alternative integrative and open model of European absolutism as a subject for the historical science study.

**Key words:** absolutism; absolute monarchy; l'État moderne; new European state; power; society; paradigm; concept; conceptual model.

Проблема абсолютизма неизменно занимает одно из центральных мест в новистике и находится среди сложнейших в исторической науке. Данное замечание особенно справедливо для последних десятилетий понятийной и терминологической ревизии, смены исследовательских парадигм и пересмотра подходов к осмыслению феномена абсолютизма. Выводы о том, что термин «абсолютизм», несмотря на его активное применение, не отражает реальной практики власти монарха; что понятия «буржуазия», «дворянство», «капитализм», «феодализм» и т. д. условны;

что природу абсолютной монархии невозможно понять, применяя лишь традиционные правовой и социологический подходы, ныне уже не нуждаются в аргументации. Тем не менее, исчерпывающий ответ на вопрос о сути и точном названии формы новоевропейской государственности, называемой ныне абсолютной монархией (абсолютизмом), так и не получен. Более того, вряд ли это осуществится в обозримом будущем ввиду огромной сложности самого феномена европейского абсолютизма.

При создании концептуальной модели европейского абсолютизма нужно снять ряд стереотипов. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением С. К. Цатуровой, которая отмечает, что традиция связывать становление *l'État moderne* (современного государства) с «победой над феодализмом и церковью» была заложена еще в эпоху Возрождения и продолжена в век Просвещения, когда абсолютная власть отождествлялась с деспотизмом монарха [8, с. 6]. Однако это затемняет суть вопроса. Слово «*État*» восходит к термину «*status*» (от глагола *stare* – держаться твердо, длиться), выражающего преемственность власти и непреходящий характер государства. С 1200 г. термин «*status*» начинает обозначать власть государя в ее публичных функциях. Таким образом, король воспринимался как глава политического тела, обладающий публичной властью и действующий в интересах всего сообщества людей, живущих на конкретной территории и признающих его власть [8, с. 7].

Применительно к историческим понятиям, очевидно, надлежит принять мнение М. А. Юсима, который признает, что на сегодняшний день нет альтернативных или более исчерпывающих формулировок для характеристики XVI–XVII вв., чем данные еще советской историографией «переход от феодализма к капитализму» или «генезис капитализма», и историки всего мира применяют понятия «капитализм», «буржуазия» и т. д., далеко не всегда утруждая себя их уточнением [1, с. 52]. «Видимо, объективное наличие некоторого ряда феноменов, скрывающихся за словом «капитализм», представляется очевидным, – отмечает М. А. Юсим, – а копание в теоретических нюансах, некогда обязательное для советских историков (был ли тот или иной процесс уже капиталистическим или еще докапиталистическим... теперь выглядит схоластическим или в лучшем случае является уделом философов и социологов» [1, с. 52]. Во-первых, разнообразие общественных институтов «не вписывается в схемы, нанизывающие все жизненные сферы на один стержень». Во-вторых, абсолютизм являлся определенным «венцом государственного

строительства» и политического сознания, в котором общее благо стало отождествляться с личностью государя [1, с. 56].

В. Н. Малов, рассматривая условия оформления абсолютной монархии, на первое место выдвигал военный фактор. Войны требовали огромных средств, но для монархов все более затруднительно было испрашивать их у сословий. Устранение этой необходимости и укрепление личной власти монарха В. Н. Малов считал «важнейшим критерием перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии» [1, с. 482]. Военный фактор считает доминирующим в утверждении абсолютизма и С. А. Нефедов. Он утверждает: «Два пика самодержавия – при Иване IV и Петре I – были отмечены острыми конфликтами между аристократией и царями, и, конечно, не является случайностью, что эти конфликты совпадают по времени с радикальными военными реформами» [5, с. 138]. На геополитический и военный фактор обращает внимание и Л. И. Ивонина, отмечая, что адаптация и конкуренция государств эпохи абсолютизма сопровождались процессом «монархизации» [2].

М. М. Кром, на основе историографического анализа, отмечает следующие черты новоевропейского государства. Это устойчивость в пространстве и времени, формирование безличных, относительно постоянных политических институций, перенос лояльности с семьи, местного сообщества на государство, деперсонализация власти, т. е. отождествление ее не с личной волей монарха, а с идеей безличного государства как объекта всеобщего служения [3, с. 4–5]. Модерное государство имеет «военно-фискальное» происхождение, осуществляет монополию на насилие и сбор налогов, корректирует в своих целях такие институты, как церковь и право и руководствуется идеологией национализма» [3, с. 6–7]. Говоря о начавшемся в 1984 г. европейском проекте по изучению современного государства («La genese de l'État moderne»), М. М. Кром указывает, что, несмотря на проделанную работу, «итоговая концепция не выработана» [3, с. 7–8]. Однако возможно ли, рассуждая об эволюции государства, проходящей в течение нескольких столетий и вобравшей все разнообразие его форм в масштабе Европы, прийти к единому мнению относительно его определяющих черт?

М. М. Кром предлагает собственную модель государства раннего Нового времени. В самых общих чертах, модерное государство – это переходная форма от патримониальной монархии к легальному и бюрократическому порядку. Для него характерно делегирование властных

полномочий и деперсонализация управления, влияние народного представительства и коллективных петиций, а также унификация религиозной жизни, поставленной под государственный контроль. Суть же модели государства раннего Нового времени может быть определена как единство в многообразии [3, с. 10–15]. Представляется, что указанное верно, однако патерналистская культура самодержавной России не позволяет вести речь о деперсонализации управления России в такой же мере, как это было в Западной Европе.

С. Е. Федоров и А. А. Паламарчук обоснованно предлагают рассматривать власть как некий функционал, имманентно присущий любой социальной системе и включающий такие элементы, как власть как субстанциональное явление, провластный дискурс, контрвластный дискурс, и власть как процесс [7]. Универсальность данной схемы открывает возможности для ее наполнения безгранично разнообразным материалом.

А. Н. Медушевский указывает на три основных подхода в интерпретации абсолютизма – юридический, социологический и исторический [4, с. 84]. Он предлагает определять абсолютизм как форму становления национальных государств Нового времени. Эта форма, как идеальный тип, характеризуется следующими чертами:

- формированием нации и национального самосознания;
- стремлением к созданию в определенных национальных границах рациональной системы военного, административного и финансового управления;
- созданием такого консенсуса между обществом и государством, при котором последнее берет на себя основное бремя модернизации первого;
- проведением правовой унификации, систематизации и централизации;
- реализацией монархического суверенитета, как идеологического постулата, правового принципа и механизма управления;
- создание административно-бюрократической вертикали власти, устраняющей возможность автономного и независимого общественного мнения [4, с. 87].

Трактовка А. Н. Медушевского представляется оптимальной, т. к. содержит многосторонние «перспективные установки» абсолютистского государства. Однако, если он рассматривает абсолютизм как идеальный тип с позиции его «конечных целей», не менее правомерно представить это явление в конкретно-историческом ракурсе и специфике

характеристик. Указанное позволяет выявить следующие составляющие интегративной модели абсолютизма как исторического и социокультурного явления:

- хронотопический;
- правовой;
- военный;
- социологический;
- ментальный.

В концепте абсолютизма хронотоп – базовая характеристика, маркирующая явление, называемое «абсолютизмом», и указывающая на время и место его существования. В медиевистике и новистике под абсолютизмом понимается особый тип государства Западной Европы и России, форма правления которого представляет юридически неограниченную наследственную монархию. Абсолютизм господствовал в Западной Европе раннего Нового времени, т. е. в XVI–XVIII вв., а в России сохранился до начала XX в. Хронотопические характеристики европейского абсолютизма важны для системного понимания этого явления, т. к. Западная Европа XVI–XVIII в. предстает как целостный цивилизационный феномен.

Фундаментальность правового подхода доказана не только рецепцией в средневековой Европе идей римского права, деятельностью легистов и идеологов суверенитета королевской власти. Данный подход был применен как основа в осмыслении абсолютизма во второй половине XIX–XX в., его устойчивость подтверждается и в настоящее время.

Огромная роль военного фактора в создании абсолютных монархий не вызывает сомнений. Наличие в распоряжении правителя армии и финансовых средств не только демонстрирует, но и реализует его потенциал власти. Вместе с тем, роль военного фактора коррелируется с положением и размером государства, его обеспеченностью ресурсами, а правительства – средствами. Опустошение карманов подданных и перенапряжение страны не раз приводили к социальному взрыву. Применительно к событиям середины XVII в., отмечает П. Ю. Уваров, в Испании это потеря Португалии и части Каталонии, во Франции – Фронда, в России – «бунташный век». А о том, «во что вылилось лишь стремление монарха более свободно собирать налоги и распоряжаться ими по ту сторону Ла-Манша, вообще лучше не вспоминать» [6, с. 15].

Социологический компонент в модели абсолютизма, т. е. социально-экономическое развитие, долгое время был господствующим, что

объясняет существующую ныне долю скепсиса по отношению к нему. Однако такая реакция скорее эмоциональная, чем профессиональная. Социально-экономическое положение – это структура общества и экономика, выступающие не только как важнейший ресурс для правителя, но и как фундаментальные показатели состояния конкретного государства.

Ментальный аспект охватывает сферу интеллектуальных, эмоциональных, ценностных, рациональных, иррациональных и других установок и особенностей общества и личности эпохи абсолютных монархий. При абсолютизме неразделимы светская и церковная власть. Абсолютный монарх, деяния которого сакральны, возвышается не над гражданами, а над подданными, регулируя их жизнь – публичную и частную – на основе идей общего блага, государственного интереса, службы Отечеству и т. д. При абсолютизме невозможно переоценить значимость двора и личности правителя. Тираноборческие и демократические доктрины, равно как и крестьянские войны и восстания, ни в коей мере не отменяют названных обстоятельств.

Охарактеризованные выше составляющие концептуальной модели абсолютизма, за исключением хронологического, являющегося базовым, не представляется возможности ранжировать или провести между ними четкую грань. Их сочетание и степень воздействия интегрированы, динамичны во времени, количественно и качественно различаются в конкретных странах, при этом необходимо учитывать эффект их совокупного действия.

Таким образом, широкий спектр современных интерпретаций абсолютизма имеет безусловное основание и научную ценность, и вряд ли возможно и даже необходимо в обозримом будущем стремиться к созданию некой единой трактовки. Представленная выше интегративная модель абсолютизма предлагается как одна из альтернатив и направлена на рассмотрение абсолютизма, в первую очередь, во всем многообразии его конкретно-исторических проявлений. При этом она учитывает весь спектр существующих подходов и может быть применена к максимальному диапазону государств с абсолютистской формой правления.

#### **Библиографический список**

1. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред.: В А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. 854 с.
2. Ивонина Л. И. Монархизация правителей Классической Европы в конце XVII–начале XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 104–117.
3. Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.

4. Медушевский А. Н. Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX в.) // Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до кризиса / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. М., 2006. С. 84–117.

5. Нефедов С. А. Теория военной революции: полвека спустя // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 3. С. 134–141.

6. Уваров П. Ю. «Событийная история» и «история-проблема» на фоне общеевропейского кризиса XVII в. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / отв. ред.: В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. М., 2018. С. 7–15.

7. Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Рассуждения о формуле власти // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. М., 2020. Вып. 81 (1). С. 21–30.

8. Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 3–16.